

ТВЕРСКАЯ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВѢДОМОСТИ.

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ 1 и 15 чиселъ. Цѣна годовому изданію безъ пересылки 4 р. 50 к., съ пересылкою 5 р.

15 ЯНВАРЯ 1882 Г.

Подписка принимается въ редакціи Епархіальныхъ Вѣдомостей и умѣстныхъ Благочинныхъ.

№ 2.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ЧАСТИ ОФИЦІАЛЬНОЙ: Определенія Святѣйшаго Синода. — Распоряженія Тверскаго Епархіальнаго Начальства. — Епархіальныя извѣстія.

ОПРЕДЕЛЕНІЯ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА.

I. Объ измѣненіяхъ въ порядкѣ замѣщенія должностей начальниковъ и наставниковъ въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по всеподданнѣйшему докладу г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, въ 24-й день октября 1881 года, Высочайше утвердить соизволилъ предположенныя определеніемъ Святѣйшаго Синода отъ 12-го августа и 28-го сентября 1881 г. въ дополненіе и измѣненіе подлежащихъ статей уставовъ духовныхъ семинарій и духовныхъ училищъ, а также разъяснительныхъ къ нимъ постановленій, нижеслѣдующія правила о порядкѣ замѣщенія должностей начальниковъ и наставниковъ въ сихъ заведеніяхъ: 1) объ откѣрившихся вакансіяхъ ректора и инспектора въ семинаріяхъ епархіальный преосвященный доводитъ до свѣдѣнія Святѣйшаго Синода, о вакансіяхъ же смотрителя и помощника смотрителя духовныхъ училищъ сообщаетъ Оберъ-Про-

курору Святѣйшаго Синода; 2) Св. Синодъ или Оберъ-Прокуроръ онаго, по принадлежности, или замѣщаетъ помянутыя должности по своему усмотрѣнію и назначенію, или дѣлаетъ распоряженія о замѣщеніи оныхъ на основаніи существующихъ постановленій, посредствомъ выборовъ; причѣмъ, въ случаѣ несогласія епархіальнаго архіерея съ произведеннымъ выборомъ на должность смотрителя или помощника смотрителя въ училище, преосвященный сообщаетъ синодальному Оберъ-Прокурору, примѣнительно къ § 24 семинарскаго устава, о своемъ кандидатѣ, съ указаніемъ основаній несогласія съ произведенными выборами; 3) существующій порядокъ относительно назначенія на преподавательскія должности центральнымъ управленіемъ духовно-учебнаго вѣдомства окончившихъ курсъ воспитанниковъ духовныхъ академій и стипендіатовъ духовнаго вѣдомства въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, распространить: а) на окончившихъ курсъ наукъ въ высшихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ и изъявившихъ желаніе поступить на учебную службу въ духовныя семинаріи и училища, б) на преподавателей духовно-учебныхъ заведеній, оставшихся за штатомъ по случаю закрытія параллельныхъ отдѣленій, а также в) вынужденныхъ болѣзнію или другими уважительными обстоятельствами временно оставить учебную службу и впослѣдствіи снова изъявившихъ желаніе вступить въ оную; 4) этотъ же порядокъ примѣнять и къ перемѣщенію изъ одного духовно-учебнаго заведенія въ другое начальствующихъ и учащихъ лицъ, какъ по усмотрѣнію высшаго начальства въ пользахъ службы, такъ, въ исключительныхъ случаяхъ, по прошеніямъ лицъ, нуждающихся въ перемѣщеніи. Приказали: о бѣ изъясненномъ Высочайше утвержденномъ опредѣленіи Святѣйшаго Синода относительно измѣненій въ порядкѣ замѣщенія должностей начальниковъ и наставниковъ въ духовныхъ семинаріяхъ и учили-

цахъ дать знать, по принадлежности, епархіальнымъ преосвященнымъ, для должнаго съ ихъ стороны руководства и исполненія, и чрезъ напечатаніе въ журналѣ «Церковный Вѣстникъ»

II. Отъ 18-го ноября—11-го декабря 1881 года за № 2461, о представленіяхъ духовныхъ лицъ къ наградамъ примѣнительно къ прежде указанной нормѣ.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложенное г. товарищемъ синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 10 минувшаго ноября за № 5553, отношеніе, въ копіи, преосвященнаго харьковскаго о нѣкоторыхъ недоумѣніяхъ, встрѣченныхъ при примѣненіи къ наградамъ духовенства нормы, указанной въ опредѣленіи Святѣйшаго Синода, напечатанномъ въ «Церковномъ Вѣстникѣ» №№ 25 и 26 сего года. И, по справкѣ, приказали: въ разъясненіе вопросовъ, возбужденныхъ преосвященнымъ харьковскимъ, и для руководства духовному вѣдомству, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: 1) въ Высочайше указанную для наградъ духовенства норму, не свыше пропорціи 1:20, входятъ награды: какъ Всемилостивѣйше жалуемые ордена и наперсные кресты изъ кабинета Его Императорскаго Величества, такъ и назначаемыя Святѣйшимъ Синодомъ—скуфья, камилавка, наперсный крестъ, палица и санъ протоіерея, игумена и архимандрита, если въ таковой санъ возводится лицо не по мѣсту, имъ занимаемому, а за отличіе; 2) норма опредѣляется общимъ числомъ подвѣдомственныхъ представляющему начальству, положенныхъ штатами или особыми распоряженіями, архимандритовъ, протоіереевъ, игуменовъ, іеромонаховъ и священниковъ, не исключая изъ нихъ, кои, сверхъ прямой своей должности, могутъ занимать другія мѣста по свѣтскимъ

вѣдомствамъ. Изъ этого общаго числа поименованныхъ священнослужителей къ вышеисчисленнымъ наградамъ можетъ быть ежегодно представляемо не болѣе одной двадцатой части или 5%, считая въ этой части и тѣхъ, на ходатайство о награжденіи коихъ духовное начальство изъявить свое согласіе начальству свѣтскому; 3) что же касается порядка и срока представленія духовныхъ лицъ къ наградамъ, то, соблюдая въ этомъ отношеніи общія правила о наградахъ, изложенныя въ ст. 661—684 т. III уст. о служб. по опред. отъ Правит. Св. Зак. изд. 1876 г., духовныя начальства обязываются имѣть въ виду: а) что удостоенный благословенія Святѣйшаго Синода можетъ быть представленъ къ другой наградѣ и ранѣе общеустановленнаго для награжденія срока; б) что установленное циркулярнымъ указомъ Святѣйшаго Синода, отъ 25 августа 1850 года, запрещеніе представлять къ наградамъ духовныхъ лицъ, не достигшихъ 35-ти лѣтняго возраста, на будущее время отмѣняется, съ тѣмъ однако, чтобы въ Святѣйшій Синодъ не были представляемы къ наградѣ священнослужители, не получившіе предъ тѣмъ въ назначенный для наградъ срокъ набедренника, какъ первой, въ порядкѣ постепенности, награды для лицъ священнаго сана, и в) что представленіе къ награжденію митрою не допускается, такъ какъ пожалованіе оною зависитъ отъ непосредственнаго Его Императорскаго Величества благоусмотрѣнія и Святѣйшему Синоду, Высочайшимъ повелѣніемъ 6 марта 1859 года, предоставлено ходатайствовать о пожалованіи митрою лишь заслуживающихъ того (настоятелей с.-петербургскаго Исаакіевскаго кафедральнаго собора). Для объявленія вышеизложеннаго къ руководству и исполненію по духовному вѣдомству напечатать настоящее опредѣленіе въ журналѣ «Церковный Вѣстникъ», съ присовокупленіемъ, что въ каждомъ представленіи о наградахъ слѣдуетъ указывать какъ об-

щее число священнослужителей, о коемъ сказано въ пунктѣ 2-мъ сего опредѣленія, такъ и число духовныхъ лицъ, имѣющихъ бытъ представленными къ награжденію свѣтскими вѣдомствами на основаніи изъявленнаго на сіе духовными начальствами согласія. Не исполнившіе сего въ сдѣланныхъ уже въ текущемъ году представленіяхъ въ Святѣйшій Синодъ имѣють доставить означенныя свѣдѣнія, въ возможной скорости, дополнительно.

III. Отъ 27 ноября—11 декабря 1881 г. за № 2535. объ окладахъ содержанія преподавателей физики и математики въ духовныхъ семинаріяхъ изъ кандидатовъ физико-математическихъ университетскихъ факультетовъ.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 12-го минувшаго ноября за № 549, журналъ Учебнаго Комитета, № 366, съ заключеніемъ Комитета, по возбужденному Хозяйственнымъ Управленіемъ при Святѣйшемъ Синодѣ вопросу, о томъ: настоятъ ли нынѣ надобность въ производствѣ увѣличеннаго содержанія, на основаніи опредѣленія Святѣйшаго Синода отъ 27-го марта—11-го апрѣля 1880 г., тѣмъ изъ кандидатовъ физико-математическихъ факультетовъ, которые будутъ вновь поступать на должности преподавателей математики въ духовныхъ семинаріяхъ? Приказали: принимая во вниманіе, что постановленіе Святѣйшаго Синода отъ 27-го марта—11-го апрѣля 1880 года о возвышеніи жалованья преподавателямъ физико-математическихъ наукъ въ семинаріяхъ изъ кандидатовъ чистой математики на 200 р., сравнительно съ жалованьемъ прочихъ преподавателей, вызвано было недостаткомъ въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ специалистовъ по математикѣ, вслѣдствіе закрытія математическихъ кафедръ

при духовныхъ академіяхъ, а также малочисленности и скудости учрежденныхъ въ 1872 г. въ российскихъ университетахъ стипендій духовнаго вѣдомства (шесть стипендій по 250 руб. въ годъ каждая), и что въ настоящее время, по учрежденіи въ 1879—80 учебномъ году новыхъ стипендій въ университетахъ въ большемъ числѣ (до 14 стипендій) и въ высшемъ размѣрѣ (по 400 р. въ годъ), предвидится полная возможность замѣщенія преподавательскихъ вакансій по физико-математическимъ наукамъ въ семинаріяхъ, — Святѣйшій Синодъ не находитъ надобности въ назначеніи вновь поступающимъ преподавателямъ физики и математики въ семинаріяхъ увеличеннаго содержанія и посему, согласно заключенію Учебнаго Комитета, опредѣляетъ: оставить ихъ при первоначальныхъ, опредѣленныхъ Высочайше утвержденными 14-го мая 1876 года уставомъ и штатомъ семинарій, окладахъ содержанія, не распространяя однако настоящаго постановленія на получившихъ уже увеличенные оклады лицъ; о чемъ для свѣдѣнія и руководства правленіямъ духовныхъ семинарій, напечатать настоящее опредѣленіе въ «Церковномъ Вѣстникѣ».

IV. Высочайше утвержденное опредѣленіе Св. Синода, отъ 25-го ноября—9-го декабря за № 2511, о разрѣшеніи производить сборъ пожертвованій на нужды александрійской патріархіи.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по всеподданнѣйшему докладу о опредѣленіи Святѣйшаго Синода, въ 7-й день ноября сего года, Высочайше соизволилъ на разрѣшеніе прибывшему для управленія александрійскимъ подворьемъ въ Москвѣ архимандриту Іереміи Птери производить въ Россіи, въ теченіи одного года, сборъ пожертвованій на нужды александрійской патріархіи, на принятыхъ для подобныхъ сборовъ основаніяхъ.

У. Отъ 27 ноября—16 декабря 1881 г. за № 2516, объ окладахъ содержанія нѣкоторыхъ лицъ изъ духовенства въ Царствѣ Польскомъ.

Высочайше утвержденнымъ въ 27-й день октября 1881 г., мнѣніемъ Государственнаго Совѣта положено: 1) окладъ содержанія протодіакона варшавскаго кафедральнаго собора увеличить съ 1 января 1882 г. до *тысячи трехъ сотъ рублей въ годъ*, и 2) съ того же срока назначить пять помощниковъ настоятелей при церквахъ губернскихъ городовъ Царства Польскаго, съ содержаніемъ по *одной тысячѣ двести рублей* въ годъ каждому, считая въ томъ числѣ по 1000 р. въ годъ жалованья и по 200 р. въ годъ квартирныхъ.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ТВЕРСКАГО ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

СПИСОКЪ

лицъ Тверской епархіи, награжденныхъ въ 1881 году набедренниками.

Мѣсяць и число	НАИМЕНОВАНИЕ ЛИЦЪ.
Марта 19	Священникъ Зубцовской Троицкой церкви Іоаннъ Воскресенскій.
—	Священникъ Вышневолоцкаго уѣзда села Раменья Алексѣй Завьяловъ.
23	Въжедскаго уѣзда села Воротилова священникъ Дмитрій Колтыпинъ.
24	Вышневолоцкаго уѣзда села Лоцемли священникъ Андрей Лебедевъ.
26	Того же уѣзда села Шитовичъ священникъ Михайль Скобниковъ.
	Осташковскаго уѣзда погоста Ясенска священникъ Іоаннъ Синевъ.

Мѣсяцъ и число.	ИМЕНОВАНИЕ ЦЪРКВИ
31	Кашинскаго уѣзда села Бѣлеутова священникъ Владиміръ Гроздовъ.
—	Корчевскаго собора священникъ Іоаннъ Середонинъ.
—	Бѣжецкаго уѣзда села Селець священникъ Платонъ Лебедевъ.
—	Ржевскаго уѣзда села Завидова священникъ Левъ Гроздовъ.
—	Кашинскаго уѣзда села Перетерья священникъ Николай Морошкинъ.
Апрѣля 2	Кашинскаго уѣзда села Кесовой-Горы священникъ Алексѣй Некрасовъ.
—	Весьегонскаго уѣзда села Борисовскаго священникъ Василій Прудовскій.
6	Тверскаго уѣзда села Богородскаго священникъ Михайль Поповъ.
—	Новоторжскаго уѣзда села Вышкова священникъ Василій Лебедевъ.
27	Краснохолмскаго собора священникъ Михайль Побрѣинъ.
Мая 2	Старицкаго уѣзда села Новотроицкаго священникъ Александръ Дмитровскій.
7	Ржевскаго уѣзда села Медвѣдова священникъ Василій Соколовъ.
Іюня 8	Тверскаго уѣзда села Еммауса священникъ Николай Волковъ.
—	Весьегонскаго уѣзда села Туханей священникъ Димитрій Ушаковъ.
15	Тверскаго уѣзда села Синцова священникъ Іоаннъ Смирновъ.
19	Калязинскаго уѣзда села Талдома священникъ Θεодоръ Никольскій.
20	Зубцовскаго уѣзда села Степурина священникъ Александръ Колычевъ.
Августа 13	Старицкаго уѣзда села Глѣбова священникъ Илья Плетневъ.

Мѣсяцъ и число.	НАИМЕНОВАНИЕ ЛИЦЪ
—	Ржевскаго уѣзда погоста Язвиць священникъ Виталій Галаховъ.
26	Тверской Едноровской церкви священникъ Григорій Березкинъ.
Сентября 23	Бѣжецкаго уѣзда села Воснова священникъ Ва- силій Успенскій.
Ноября 3	Новоторжскаго уѣзда села Климова священникъ Димитрій Нечаевъ.
30	Гор. Ржева Христорожественской церкви свя- щенникъ Николай Волковъ.

Объявленіе благодарности.

Настоятель Тверской Срѣтенской церкви священникъ Іоаннъ По-
кровскій, отъ 16 минувшаго ноября за № 20, донесъ епархіальному на-
чальству, что 14 октября сего года получены Срѣтенскою церковью
изъ Москвы отъ неизвѣстнаго два большихъ подсвѣчника съ металли-
ческими свѣчами къ иконамъ: Свят. Митрофана чудотворца и Сергія
преподобнаго; оцѣнены же эти подсвѣчники во 100 руб. Согласно хо-
датайства настоятеля означенной церкви, епархіальное начальство изъ-
являетъ благодарность жертвователю, не открывшему своего имени.
Затѣмъ, 14 минувшаго ноября, въ день Рожденія Ея Императорскаго
Величества Государыни Императрицы Маріи Феодоровны, послѣ ранней
литургии, въ кружкѣ, которая находится въ паперти Срѣтенской церк-
ви, при высылкѣ оказался пакетъ съ 15-ю серіями и 1 руб. [т. е.
761 р.] съ указаніемъ отъ неизвѣстнаго жертвователя употребить эти
деньги на перелитіе разбитаго колокола и на иконостасъ. За такое зна-
чительное пожертвованіе отъ епархіальнаго начальства объявляется какъ
благодарность неизвѣстному жертвователю, такъ и то, что воля его, по
донесенію настоятеля Срѣтенской церкви, будетъ въ точности испол-
нена, и за него и за сродниковъ его будетъ возноситься постоянная
молитва въ Срѣтенской церкви.

Старостъ Зубцовскаго собора мѣщанину Александру Колпашникову за долговременную и полезную службу, объявлена признательность епархіальнаго начальства.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ

Дяконъ Вышневолоцкой Петропавловской церкви Василій Исполотовъ, 31 декабря 1881 года, перемѣщенъ на праздное, дяконское мѣсто въ Вышеднему въ Воскресенскому собору.

Настоятельница Казанскаго Вышневолоцкаго женскаго монастыря монахиня Дороева, въ 1-й день сего января, возведена въ санъ Игуменни.

Исправляющій должность псаломщика при церкви села Ящинъ, Вышневолоцкаго уѣзда, Василій Соколовъ 17 декабря 1881 года померъ, а на его мѣсто 2-го сего января опредѣленъ сверхштатный пономаръ Вышневолоцкой Преображенской церкви Михаилъ Лебедевъ.

На праздное мѣсто священника въ церкви подоста Рождествина, что въ Тепломъ стану, Ржевскаго уѣзда, 25 декабря 1881 года рукоположенъ псаломщикъ и госта Спасъ-Перебора, Ржевскаго уѣзда, Николай Зверевъ.

Священникъ села Топальскаго, Вышневолоцкаго уѣзда, Василій Преображенскій 6 ноября 1881 года померъ, а на его мѣсто 20 декабря 1881 года рукоположенъ учитель приготовительнаго класса Тверскаго духовнаго училища Александръ Соколовъ.

Редакторъ Протоіерей В. Владиславлевъ.

Дозволено цензурою. 15 января 1882 года.

Печатано въ Типографіи Тверскаго Губернскаго Правленія

ТВЕРСКАЯ ЕПАРХИАЛЬНАЯ ВЪДОМОСТИ.

15 ЯНВАРЯ 1882 Г.

№ 2.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

СОДЕРЖАНИЕ ЧАСТИ НЕОФИЦИАЛЬНОЙ. Слово на день Рождества Христова. Выносъ и погребеніе тела протоіеря Александра Васильевича Соколова. Историческая записка, о состояніи Тверской духовной семинаріи. (Продолженіе).

С Л О В О

на день Рождества Христова.

Съ нами Богъ! Разумѣйте, языцы, и покаряйтесь!

Такъ некогда взывалъ пророкъ Исаія, провидя дивное явленіе Бога во плоти. Всѣ народы земли призываетъ онъ обратить полное, благоговѣнное вниманіе на величайшую тайну Божественнаго домостроительства, и всѣхъ убѣждаетъ покориться имѣющему явиться Богу крѣпкому, Начальнику, Князю мира, Отцу будущаго вѣка. *Съ нами Богъ*, многократно повторяетъ онъ: *разумѣйте языцы и покаряйтесь!*

Исполнилось время, сбылось пророческое слово. Сынъ Божій явился на землѣ, жить между людьми, учить ихъ,

благоотворилъ имъ, совершая безчисленные чудеса, пострадалъ за нихъ отъ нихъ-же самихъ, воскресъ за оправданіе ихъ и вознесся во славу, чтобы всегда ходатайствовать за нихъ предъ Отцемъ.

Уразумѣли ли эту тайну спасенія своего люди? Сначала не многіе, даже очень не многіе, но, по мѣрѣ того, какъ уразумѣвали, покоряли и умы свои въ послушаніе вѣры, и сердца, и волю свою благому и легкому игу Христовыхъ заповѣдей...

Нелегко было тогдашнимъ людямъ *уразумѣть и покориться*. Вѣрованія, въ которыхъ они родились, — привычки, среди которыхъ воспитались, и которыя стали для нихъ второю природою, — общій строй жизни, который былъ постоянно у нихъ передъ глазами, съ которымъ ежеминутно приходилось быть въ столкновеніи: все было враждебно вѣрѣ Христовой. А люди, жившіе съ ними, — но не хотѣвшіе идти въ слѣдъ за ними къ свѣту Христову ученія? Чтобы сдѣлаться христіаниномъ, съ ними нужно было порвать всякую духовную связь! Необходимо было, по большей части, разорвать самыя близкія, кровныя узы родства, стать для своихъ не чужимъ только, но ненавистнымъ, какъ-бы злѣйшимъ врагомъ... Но никакія привязанности: къ друзьямъ, къ родителямъ, къ дѣтямъ, равно какъ никакая злоба враговъ вѣры, ни тюрьмы, ни лишеніе имѣній и ссылка, ни пытки, ни звѣри, ни кресты и костры, ничто не могло ни увѣровавшихъ поколебать въ вѣрѣ, ни удержать новыхъ искателей царствія Божія отъ принятія вѣры.

Возблагодаримъ, братія, Господа, который и озарялъ умы этихъ первенцевъ церкви Христовой, и освящалъ, укрѣплялъ ихъ сердца такъ, что безтрепетно *прошли они*, по выраженію псалмопѣвца, не только *сквозь огонь и воду*, но и *посредств*

стни смертныи. Прославимъ и самихъ подвижниковъ; по-
дивимся величію ихъ вѣры, полнотѣ надежды на Бога, свя-
тости и крѣпости ихъ любви къ Нему. И обратимся къ са-
мымъ себѣ.

Въ благословенное время живемъ мы, — братія. Сокровище
вѣры намъ досталось безъ той внутренней и вѣншей борьбы,
съ какою усвоили его и хранили первые христіане. Оно до-
сталось намъ при самомъ рожденіи, какъ законное наслѣдіе
родителей. Въ обладаніе имъ постенно вводило насъ воспи-
таніе домашнее и общественное. Сохранить его въ насъ,
приумножить заботится постоянно общая мать наша — церковь.
Она и въ проповѣдяхъ, и въ молитвахъ, и въ поученіяхъ
пастырей, и въ ежедневно предлагаемыхъ намъ чтеніяхъ
Слова Божія, самими богослужебными дѣйствіями и священ-
ными изображеніями не умолкая говоритъ намъ о Богѣ, о
Его дивныхъ совершенствахъ, о Его безчисленныхъ благо-
дѣяніяхъ человеку, о томъ неизреченномъ блаженствѣ, ко-
торое уготовалъ Богъ любящимъ Его, примѣрами святыхъ,
ежедневно ею прославляемыхъ, возбуждая насъ къ подража-
нію имъ.

Казалось бы, при такой благопріятной обстановкѣ нашей
религіозной жизни, все мы будемъ достойными преемниками
первенцевъ церкви Христовой и въ вѣрѣ, и въ жизни Хри-
стіанской. Но такъ ли это?

Если мы взглянемъ безпристрастно въ себя самихъ, осмот-
римся внимательно вокругъ себя, мы увидимъ, что наши отно-
шенія къ вѣрѣ Христовой до такой степени разнообразны, что
одного, опредѣленнаго отвѣта на предложенный вопросъ не
можетъ быть. Такъ, братія.

Есть между нами, благодареніе Богу, истинно и искренно вѣрующіе. Для нихъ вѣра Христова есть и свѣтъ для ума, и огонь благодатный для сердца, и непреложный законъ жизни. Для нихъ молитва Богу не есть только святая обязанность, но и сердечная потребность, удовлетвореніе которой благоговѣнное, сосредоточенное — составляетъ для нихъ высочайшее наслажденіе. Ихъ отношенія къ ближнимъ проникнуты не только честностію, прямою, правдою, но и горячею любовію. Возблагодаримъ за таковыхъ Господа!

Есть другого рода вѣрующіе. Для этихъ вѣра Христова есть также безцѣнное сокровище, святое наслѣдіе отцовъ. Его хранить они, какъ зѣницу ока. При одной мысли, что какой либо народъ иноплеменный и иновѣрный хочетъ лишить ихъ этого сокровища, массы этихъ вѣрующихъ встаютъ противъ дерзновеннаго врага, какъ одинъ человекъ. Такъ было, на примѣръ, въ 1612-хъ и 1812-хъ годахъ. Такъ было въ ближайшіе къ намъ дни, когда фанатизмъ мусульманъ грозилъ вѣрѣ и вѣрующимъ на востокъ. Но эта вѣра, воспламеняющая сердца людей до святаго героизма, не освѣщаетъ — почти вовсе — ихъ умовъ. Ничтожно у большинства изъ нихъ знаніе слова Божія, потому смутны ихъ понятія о Богѣ и дѣлахъ Его; много въ умахъ ихъ суевѣрій и предразсудковъ, противныхъ вѣрѣ, но крѣпко хранимыхъ, какъ наслѣдіе отцовъ; темны, сбивчивы, потому шатки ихъ нравственныя убѣжденія, и отъ того въ жизни ихъ семейной, общественной, даже церковной — мы встрѣчаемъ много несогласнаго съ духомъ ученія Христова. Бессловіе, пьянство, семейные раздоры, — чаще всего проявляющіеся въ раздѣлахъ семей, а иногда даже въ убійствахъ самыхъ близкихъ лицъ; непочтительность къ родителямъ, замѣтная, кромѣ другихъ явленій, и въ томъ, что дѣти добываемое трудами своими

проживаютъ въ свое-же удовольствіе, не думая объ ютцахъ и матеряхъ, ссоры и тяжбы между сосѣдами, притѣсненіе бѣдныхъ со стороны болѣе богатыхъ и сильныхъ въ своей средѣ, кражи и у людей, и даже въ храмахъ Божіихъ, — все эти уклоненія отъ закона Христова очень перѣдки среди людей, готовыхъ въ нужномъ случаѣ положить жизнь свою за вѣру Христову. Будемъ, впрочемъ, надѣяться, что въ распространеніемъ просвѣщенія, но просвѣщенія религіознаго, истинно-христіанскаго, и эти вѣрующіе, сами себя называющіе теперя людьми темными, выйдутъ изъ тьмы религіознаго невѣдѣнія и нравственнаго блужданія въ чудный свѣтъ вѣры и на правый путь христіанской жизни.

Есть и еще вѣрующіе, въ большей или меньшей мѣрѣ усвоившіе при воспитаніи знаніе истинъ вѣры и правилъ жизни христіанской. Но это знаніе такъ и остается у нихъ только знаніемъ ума, не возжигая въ ихъ сердцахъ огня святой любви къ Богу и ближнему, не становяся руководящею, животворною силою ихъ воли. Въ вѣрѣ и жизни религіозной они, по слову Господа, *ни холодны, ни горячи*. (Ап. 3, 15). Не возстаютъ они сами противъ истинъ вѣры, но и защищаютъ вѣру, какъ святину, противъ возстающихъ. Не отрицаютъ они необходимости и Божественнаго установленія таинства, но приступаютъ къ нимъ холодно, какъ бы исполняя неизбѣжный, хотъ и не очень пріятный, обрядъ. Не чуждаются они церкви Божіей, но идутъ въ нее скорѣе по привычкѣ, чѣмъ иногда изъ приличія какого-то, а не по влеченію сердца, а потому стоять въ ней не назидаясь сами Богослуженіемъ, и не назидая другихъ своею холодною, чтобы не сказать болѣе, молитвою. Гнушаются они, по видимому, пороками, сознаютъ ихъ (нравственное безобразіе, строго судятъ о немъ; но въ жизни уступаютъ безъ особен-

Господи, І. Христе, родившійся отъ Дѣвы нашего ради спасенія! Правостоящихъ въ вѣрѣ Твоей благослови и соблюди таковыми до конца; младенцевъ до вѣрѣ воспитай и просвѣти, слабыхъ укрѣпи, самыхъ отторгшихся отъ вѣры призови снова къ вѣрѣ, какъ призвалъ Ты некогда Петра, отвергшагося Тебя, и Павла—гоняшаго Тебя! Аминь!

Каедральный протоіерей Григорій Первухинъ.

Выносъ и погребеніе тѣла протоіеря Александра Васильевича Соколова.

Быстро разнеслась вѣсть о кончинѣ достопочтеннаго о. протоіеря А. В. Соколова по городу Твери. Ее съ особеннымъ участіемъ и прискорбіемъ передавали воспитанники Тверской духовной семинаріи. Вечеромъ же 17 числа нынѣшній о. ректоръ семинаріи, протоіерей П. А. Соколовъ, съ большинствомъ наставниковъ и воспитанниковъ совершилъ панихиду надъ тѣломъ покойнаго. Семинарскіе пѣвчіе съ особеннымъ чувствомъ умиленія пѣли эту панихиду. Впрочемъ, въ теченіи дня, кромѣ этой панихиды, совершенно было нѣсколько подобныхъ панихидъ разными духовными лицами г. Твери, прибывавшими въ домъ усопшаго для отдаванія послѣдняго долга почившему. 18-го числа въ 3 часа дня назначенъ былъ выносъ тѣла изъ дома въ Предтеченскую церковь къ этому времени, прибыли каедральный о. протоіерей Г. П. Первухинъ (со всѣмъ соборнымъ духовенствомъ и съ весьма многими священниками городскими, и о. ректоръ семинаріи со всѣми почти наставниками и воспитанниками. По совершеніи въ домѣ кратковременнаго прощанія съ тѣломъ покойнаго поднять были руками священниковъ съ смертнаго подраи и вынесены изъ дома. Нельзя было безъ степеннаго сердечнаго впаденія сироты въ семействѣ усопшаго и о. протоіерей Г. П. Первухинъ изъ того же села Пухлема, изъ котораго и А. В. Соколовъ съ дѣтства, учился раньше. А. В. однимъ курсомъ и въ училищѣ и въ семинаріи и въ академіи и служилъ вѣсть и въ семинаріи, и въ соборѣ.

слышать раздражающе душу ихъ стоны и вопли. По внесении тѣла въ храмъ, предъ начатіемъ панихиды, одинъ изъ наставниковъ семинаріи произнесъ слѣдующую рѣчь:

Дорогой нашъ отецъ и собратъ!

Вотъ и еще разъ столпились мы вокругъ тебя; — и тамъ — подъ гостеприимнымъ кровомъ твоимъ, и здѣсь — въ церкви Божіей. Но сомкнулись на всегда твои вѣжды, и не видишь ты наши печальныя лица! Но не внемлетъ твой слухъ нашей скорби, мольбамъ и желаньямъ! Но на вѣки запечатаны уста твои для ласки, привѣта, любви! Предъ нами твое бездыханное тѣло, и это тѣло благочестиваго праведника, землѣ и пути ему могла.

С. Соловьевъ.

Мы здѣсь съ тобой. Но скоро мы сами съ мольбой и стenanьемъ опустимъ въ свѣже-изрытую землю твои бранные останки. И пусть наше горе не утѣшно, пусть наши молитвы о тебѣ, о водвореніи тебя въ блаженныхъ селеніяхъ, будутъ неумолчны, — мы все же отойдемъ отъ этого тѣла, отъ этой могилы, которая сокроетъ его, отойдемъ въ иной путь, тотъ, — который ты безвременно оставилъ за собой: путь нашъ — жизнь.

И что же?.. Молчать ли тебѣ и намъ на этомъ распутии между могилой и жизнью? Разойтись ли намъ, не сказавши другъ — другу слова на прощанье?

Завѣтъ твой дай намъ, отецъ нашъ, братъ нашъ, — завѣтъ твоей души, которая витаетъ еще среди насъ, но теперь не причастно суевъ и волненіямъ нашимъ.

Да, мы слышимъ слова этого завѣтата. Говоришь ты намъ, дѣти моя, милыя дѣти! Я совершилъ свой жизненный путь, во всѣхъ стезяхъ его. Вырастаю я... Вижу я себя въ бѣдной хатѣ матери, среди цѣлаго сонма братьевъ и сестеръ: — ея всегда — озабоченное лице и наши всегда раскрытые рты! Хлебъ мы просимъ, а гдѣ его взять?! — Вижу я себя за школьнымъ столомъ и въ квартирѣ хозяйки: тамъ — гроза учителя, а здѣсь холодъ и голодъ, грязь и нерѣдко брань. — Ласки хочется, материнской ласки, — и дрожу я въ своей шубенкѣ, тону въ ручьяхъ и

оврагахъ, или босой, съ котомкой за плечами, спышу домой. То славию и христосуюсь, то съ граблями или серпомъ въ рукахъ усердно собираю лишній грошь на нужды матери.—Вижу я себя и свѣжимъ юношей, полнымъ силъ и надеждъ; и полагалъ я эти силы на приготовленіе къ дѣлу, какое готовило мнѣ въ жизни провиденіе; и эти надежды были — помочь своей семьѣ, послужить родной землѣ и церкви Божіей.—Да, выросалъ я въ трудѣ и лишенияхъ!

Созрѣвалъ я на жизненной нивѣ. Вижу я себя среди своей семьи, для которой былъ я свѣтлой радостью: это — взрослые, что теперь стоятъ безъ словъ, съ однимъ всеокрушающимъ горемъ, а это — тѣ малютки, что теперь лишь стонутъ: «папа, попочка!»—Вижу я себя на школьной кафедрѣ: предъ мною сотни свѣжихъ, цвѣтущихъ юношей и дѣвицъ съ лицами, озаренными свѣтою мыслью, и съ готовностью на всякое дѣло благое. Это — тѣ, для которыхъ я былъ отрадою и любовью.—Вижу я себя и за престоломъ Божіимъ и на церковной кафедрѣ: предомною тѣ, сердца которыхъ смягчалъ я и словомъ безконечной любви Самого Господа и совершеніемъ Его безкровной жертвы.—Такъ былъ я радостью, любовью, утѣшеніемъ, созрѣвая на нивѣ человѣческой жизни, — и это былъ плодъ моихъ многихъ трудовъ!

И созерцаю я еще, какъ, въ пору зрѣлости, наклонился вдругъ и неожиданно подкосился мой созрѣвшій колось. Скопились тучи, свинцовыя — мрачныя, и разразились надъ бѣдной головой моею, трудъ многихъ лѣтъ докончили остальное, — скорби и болѣзни привели меня... къ могилѣ...

Добрый слѣдъ оставилъ я въ жизни по себѣ, но многими лишениями, трудами и скорбями! И теперь, окончивъ свои земные труды, иду (я въ путь) для васъ невѣдомый. Съ материнскою любовью снарядила меня въ мой послѣдній путь святая церковь. Этотъ крестъ — символъ отвергшиися себе и грядущихъ крестнымъ путемъ Спасителя. Это евангеліе — слова упованія, безъ которыхъ мы окаяннѣеши изъ живущихъ на землѣ. И я иду къ тому, кто повѣякою кротостью зоветъ: *приидите ко мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и азъ упокою васъ* (Мат. 11 гл., 28 ст.).

Съ любовью и благоговѣніемъ слагаемъ въ сердцѣ своемъ слова завета твоего — и въ замѣнъ той любви, которой ты любилъ насъ на

земль, мы приносимъ тебѣ свою искреннюю, дорогой отецъ нашъ и учитель, — сердечную, чистую любовь.

Прими эту чистую любовь, любовь, которая свизуетъ небо и землю, живыхъ и умершихъ. Соединенные здѣсь этою любовью, мы тебѣ отпустить тебя въ послѣдній путь, мы только и можемъ со слезами молить Господа о упокоеніи души твоей.

Преподаватель Е. Воскресенскій.

Послѣ этой рѣчи, произведшей сильное впечатленіе на слушателей, совершена была панихида. На другой день послѣ заупокойной литургии совершена была еще разъ панихида членами духовной консисторіи, пожелавшими почтить память усопшаго о протоіерея, какъ одного изъ лучшихъ представителей духовенства всей епархіи, потрудившагося такъ много и такъ благоплодно въ дѣлѣ образованія весьма многихъ пастырей Тверской епархіи. Въ половинѣ панихимы однимъ изъ членовъ консисторіи произнесено было слѣдующее краткое поученіе.

*Блаженіи мертви умирающіи о Господь отъ
нынь. Ей глаголетъ Духъ, да почиють отъ тру-
довъ своихъ.* [Апок. 14, 13]

Почилъ и ты отъ трудовъ своихъ, досточтимый о. протоіерей, братъ и сослужитель нашъ о Господѣ. Велики, тяжки и продолжительны были они, но за то и благоплодны; они начались съ первыхъ лѣтъ дѣтства твоего и до зрѣлыхъ лѣтъ мужества ограничивались, по преимуществу, твоимъ собственнымъ воспитаніемъ и развитіемъ въ самомъ лучшемъ и высшемъ значеніи этихъ словъ. Въ юной, чистой душѣ твоей сильно горѣло святое стремленіе къ свѣту истины Христовой, къ благочестію христіанскому, къ доблестному служенію церкви Христовой; въ этотъ періодъ воспитанія окружали тебя и раннее сиротство, и соединенныя съ нимъ нищета и убожество, и столь обычныя у сироты нашего званія, и безпомощность, и безнадзорность; но вложенная Творцомъ въ твою чистую душу любовь къ истинному просвѣщенію и благочестію какъ бы не видала этихъ трудностей и съ обычною юношамъ пылкостью стремилась все впередъ и впередъ до самаго высшаго предѣла христіанскаго образованія въ святыхъ стѣнахъ чудной обители преподоб-

наго Сергія подъ благодатнымъ оспініемъ св. Троицы. Затѣмъ насталъ второй періодъ твоихъ трудовъ, окончившійся почти съ твоею жизнью, — періодъ воспитанія и духовнаго юношества, и воспитанницъ женской гимназіи. Твоя просвѣщенная свѣтомъ евангелія и согрѣтая истиннымъ благочестіемъ душа умѣла вливать въ сердца воспитанниковъ и воспитанницъ твоихъ ту же горячую любовь къ вѣрѣ Христовой и къ истинному благочестію, какою была полна она сама, и зажигать въ юныхъ душахъ ихъ чистой огонь христіанскаго просвѣщенія. Эти воспитанники и воспитанницы были для тебя, какъ бы твоими родными дѣтьми. Ты сумѣлъ соединить въ лицѣ своемъ мудраго и твердаго наставника съ нѣжно-любящимъ отцемъ и милосерднымъ попечителемъ объ ихъ нравственномъ развитіи и матеріальномъ обезпеченіи. Самъ испытавъ тяжкую долю сиротства и нищеты, ты всегда готовъ былъ помочь несчастному воспитаннику — сиротѣ, не щадя при этомъ своихъ часто скудныхъ средствъ «Придетъ ко мнѣ ученикъ, чуть не безъ сапоговъ, говоривалъ ты въ откровенной бесѣдѣ, и просить помощи; гдѣ тутъ соблюдать формальности, созывать собраніе и составлять журналы; мока бы все это дѣлать, — ученикъ совѣмъ бы былъ безъ сапоговъ; ну и дашь ему, что можно.» На нравственные проступки воспитанниковъ ты всегда смотрѣлъ, какъ на уклоненіе отъ закона болѣе по приципъ ихъ незрѣлости и неопытности, подающихъ еще надежды на исправленіе, нежели по приципъ закоренѣлой злобы и неисправимой испорченности. Оттого то тебѣ было такъ жалко и такъ страшно карать ихъ неумолимою карою. И много молодыхъ поколѣній и разныхъ поприщачъ служебной дѣятельности и въ семейномъ быту носятъ въ сердцахъ своемъ святую искру христіанскаго просвѣщенія и истиннаго благочестія, зажженную въ душахъ ихъ твоимъ живительнымъ словомъ; и много прольютъ они слезъ, услышавъ о твоей кончинѣ; много вознесутъ молитвъ о упокоеніи твоей души. И особенно много пастырей Тверской епархіи съ благоговѣніемъ вспомнутъ предъ престоломъ Божиимъ твое досточтимое имя вознесутъ и ко Господу свои теплыя молитвы и безкровную жертву за тебя.

И, о если бы ограничились твои благотворные труды только просвѣтительной и воспитательной твоею дѣятельностью; но на долю твою выданы труды и по части распорядительной и хозяйственной. Чистый и частный въ своей душѣ ты не любилъ и не желалъ стѣсняться

соблюдениемъ известныхъ формъ въ веденіи дѣлъ хозяйственныхъ во ввѣренномъ тебѣ управленіи; вѣруя всѣмъ сердцемъ въ чистоту души христіанской и стремясь самъ сколько возможно достигнуть этой чистоты въ своей жизни, ты до вѣрчиво полагаешь, что всѣ люди—ангелы; но, другъ и сослужитель нашъ, и соблюденіе формы въ дѣлахъ общественныхъ, и особенно хозяйственныхъ, необходимо, какъ свидѣтельство нашей чистоты, и какъ увѣреніе въ точности хозяйственныхъ распоряженій; и люди—не ангелы. И вотъ составился для тебя, тобою же самимъ устроенный, тяжелый крестъ, который палъ на тебя всею своею тяжестью; собралась надъ бѣдною головою твоею черная туча, разразившаяся такими страшными ударами, которые сокрушили твою жизнь. И въ это тяжкое для тебя время сколько сыпалось на заслуженныхъ клеветъ на твою несчастную голову! Какъ гнусно позорилось твое честное имя! И ты все переносилъ съ терпѣніемъ и молчаніемъ, и только въ тайной твоей молитвѣ предъ престоломъ Божиимъ передавалъ все дѣло свое суду Божию. И мы вѣруемъ, что время и исторія разоблачатъ клеветы, сыпавшіяся на твою голову; мы вѣруемъ, что всеправедный, всевѣдущій и премилосердый Господь разберетъ дѣло твое по правдѣ и истинѣ и, простивъ вольныя и невольныя твоя прегрѣшенія, воздастъ тебѣ за твое терпѣніе и за чистоту твоихъ намереній праведнымъ Своимъ воздаяніемъ и исполнитъ надъ тобою божественное слово Свое: *блаженнѣ мѣртвѣи умирающѣи о Господѣ отъ нынѣ. Ей глаголетъ Духъ, да почиють отъ трудовъ своихъ.*

Да почиють. ... А эта семья, столь многочисленная? Эти сироты, остающіяся безъ крова и почти безъ хлѣба? Какъ жить имъ? Что будетъ съ ними?—Ты заботился, чтобы въ ихъ юныхъ душахъ и сердцахъ была святая вѣра въ Бога и любовь къ Нему; ты желалъ, чтобы они прежде всего искали царствія Божія и правды его; святое желаніе твое исполнилось, но при этомъ они пить, ѣсть хотять; имъ жилище и кровъ нужны. О, воздохни предъ престоломъ всесвятаго и премилосердаго Господа, чтобы Онъ для полнаго упокоенія духа твоего и въ вознагражденіе за твои отеческія заботы и попеченія о сиротахъ—воспитанникахъ Тверской семинаріи Самъ принялъ подъ Свой Божественный покровъ сиротъ твоихъ и даровалъ имъ силу и крѣпость къ перенесенію креста, на нихъ возлагаемаго; Самъ содѣлался отцемъ и покровителемъ ихъ. Помолись,—если Господь дастъ тебѣ дерзновеніе, и

о томъ учебномъ заведеніи, въ которомъ ты такъ долго и съ такою мудростию и любовью воспитывалъ духовное юношество, и къ которому такъ горячо лежала душа твоя, да процвѣтаетъ въ немъ истинная вѣра, и благочестіе, и истинно христіанская наука во славу пресвятаго имени Божія и на пользу церкви Христовой,—да царствуетъ въ немъ духъ мира и любви и между учащими, и между учащимися, и да поцѣитъ на немъ во вѣкъ благословіе Божіе.

Со святыми упокой, Христе, душу раба Твоего, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная. Аминь.

20 декабря совершенъ былъ отпѣвъ усопшаго самимъ Высокопреосвященнѣйшимъ Саввою, Архіепискомъ Тверскимъ и Кашинскимъ. Храмъ Предтеченскій переполненъ былъ молящимися, въ числѣ которыхъ большинство было семинаристовъ; въ концѣ литургіи протоіерей Г. П. Первухинъ произнесъ слѣдующее слово, въ которомъ такъ прекрасно изобразилъ свѣтлую личность усопшаго о. протоіеря и особенно послѣднія христіанскія минуты его жизни:

«При видѣ этого рановременнаго гроба, при видѣ этого многочисленнаго—осиротѣлаго семейства, какое слово утѣшенія возможно, отцы и братія! Что-бы ни придумалъ самый острый разумъ, все будетъ мало-значуще предъ величіемъ утраты. Что-бы ни подсказало самое любящее и усопшаго—и оставленныхъ имъ—сердце, все будетъ слабо, холодно предъ жгучею скорбыю потерявшихъ отца! Утрата невозвратима: потеря для сиротъ—невознаградима! Что-же будутъ значить тутъ самыя умныя рѣчи? Насколько умягчатъ горе самыя сердечныя слова? Нѣтъ, отцы и братія, не въ этомъ найдемъ мы вино и слей самарянина, чтобы съ пользою возмечь ихъ на раны сиротскихъ сердецъ!

Но что же—тогда дѣлать намъ? Ужель остаться безмолвными зрителями этихъ слезъ, безучастными свидѣтелями этого горя? Но чья же совѣсть не заговоритъ противъ этого? Чье сердце вынесетъ такое насилие надъ своимъ естественнымъ порывомъ—отозваться на эту сердечную боль? Отдадимся же этому доброму порыву сердца: будемъ плакать съ плачущими, какъ заповѣдуетъ и Апостолъ, и будемъ вмѣстѣ съ ними молиться! Будемъ молиться и за усопшаго собрата нашего, да упокоитъ его Господь въ селеніяхъ Праведныхъ, презирая всѣ его

согрѣшенія. Будемъ молиться и за осиротѣлыхъ птенцовъ его, да будетъ имъ отнынѣ Самъ Господь во отца, да возраститъ ихъ подъ кровомъ Своей благодати, да избавитъ отъ всѣхъ нуждъ и бѣдствій житейскихъ и, такъ часто неразлучныхъ съ ними, искушений; да дастъ имъ Господь идти въ жизни христіанской по стопамъ отца своего!

Примѣръ отца указываю вамъ, дѣти, не потому только, что это — примѣръ лица къ вамъ самаго близкаго; но потому, что это примѣръ вполне достойный подражанія и наиболѣе подходящий къ вашему горькому теперь положенію!

И жизненный путь отца вашего, особенно въ началѣ, былъ путь — не цвѣтами усыпанный! И онъ испыталъ сиротство безпомощное, и онъ зналъ нужды и горе. ['] Но эти нужды онъ переносилъ тогда съ дѣтскимъ благодушіемъ; но въ своемъ горѣ онъ какъ-бы не чувствовалъ особенной горечи: не раздражало оно его, не ожесточало его сердца. Спокойный и сосредоточенный, бодрый и постоянно трудящійся, избѣгая развлеченій и увлеченій, такъ свойственныхъ молодости, шелъ онъ труднымъ путемъ своимъ, полный вѣры въ Божій промыслъ ища въ службѣ церковной и отдыха, и подкрѣпленія, и утѣшенія. [**]

Вотъ, братія, какимъ образомъ усопшій воспиталъ въ себѣ тотъ цѣлный характеръ, котораго очевидцами были мы, почти всѣ, и подражать которому не бесполезно было бы и для насъ во многомъ.

Нелегко изобразить въ немногихъ чертахъ этотъ цѣлостный характеръ, — и едва ли необходимо: усопшаго — болѣе или менѣе — знали мы — всѣ. Потому лишь намъ чу нѣкоторыя его черты, чтобы оживить въ памяти нашей духовный его образъ.

(') Александръ Васильевичъ осиротѣлъ еще ученикомъ семинаріи. Въ семействѣ остались: мать, три брата и три сестры. Отецъ діаконъ села Пухомскаго, Базилевскаго уѣзда, кромѣ небольшого — хозяйственного обзаведенія, не оставилъ сиротамъ ничего.

(**) Такимъ былъ онъ и въ семинаріи, и особенно въ академіи. Часто ходилъ онъ къ службѣ въ Троицкій соборъ, къ мощамъ преподобнаго Сергія и любилъ продолжительныя всенощныя бдѣнія, тамъ совершаемыя.

Усопшии собратъ нашъ и до своего посвященія, и особенно по прина-
тии священства, былъ человѣкомъ сердечно религіознымъ. Любилъ
онъ съ молодости, на что и указано уже, службу Божию, и читалъ,
и пѣлъ въ сельской церкви своей, охотно замѣняя причѣтниковъ въ
дѣтнее время. Когда-же Господь благоволилъ призвать его во священ-
ство, съ полною сосредоточенностію, съ глубокимъ благоговѣніемъ со-
вершалъ онъ самъ службы церковныя, и скорбѣлъ, когда видѣлъ, что
другіе не такъ относятся къ этому святому дѣлу. Слишкомъ поспѣше
чтеніе, невнимательное пѣніе и, особенно, опущенія—положеннаго
уставомъ—возмущали его—покой душевный, вызывали его иногда на
рѣзкое замѣчаніе. И какъ преподаватель и начальникъ духовно-воспита-
тельнаго заведенія, онъ не столько заботился обогатить учениковъ зна-
ніями, сколько вѣдрить въ ихъ сердца страхъ Божій! «*Бога бойся,
и заповѣди Его храни: сія вся для челоѣка*: вотъ мое послѣднее за-
вѣщаніе вамъ,» сказалъ онъ воспитанникамъ семинари, оставляя долж-
ность начальника.

Наряду съ этой религіозностію, какъ-бы проистекая изъ нея,
стояла и его прямота. Не любилъ онъ прикрывать—мягкими словами
своего настоящаго взгляда на лица и дѣла: не умѣлъ онъ льстить, не
любилъ лести и въ другихъ. Прямо—говорилъ онъ правду, иногда для
слушающаго и даже совѣтъ пріятную, настойчиво шель къ цѣли въ
яномъ дѣлѣ, и если разумъ и совѣсть его находили эту цѣль доброю.
Могъ ошибаться онъ и въ сужденіяхъ своихъ и въ дѣлахъ; но на-
мѣренно поступить нечестно, заведомо сказать неправду—было про-
тивно его честной души! Инымъ казался онъ поэтому даже тяжелымъ,
но никто не скажетъ, чтобы онъ былъ безсердечный эгоистъ, цѣнящій
только себя—и ищущій только своего!

Но «принципомъ всей его жизни,» повторяю собственныя выраженія
усопшаго, «первымъ и послѣднимъ его словомъ, закономъ дѣятельности
—была любовь!» Эта любовь, когда онъ былъ еще воспитанникомъ,
сосредоточивались на матери и сестрахъ сиротахъ. Никакихъ гру-
дъ не жалѣлъ онъ, никакими лишеніями не тяготился, чтобы хоть
сколько нибудь восполнить лишенія присныхъ своихъ. Ихъ горе было
для него дѣйствительнымъ горемъ, и онъ готовъ былъ на всякія под-

виги (!), чтобы только избавить их отъ горя! Затѣмъ наставникъ, семьянинъ, онъ не переставалъ помогать изъ средствъ своихъ, тогда скудныхъ, и матери, и бѣднымъ роднымъ, лишая себя и семейство свое даже необходимыхъ удобствъ жизни.

Выходить ли мнѣ изъ этого тѣснаго круга семьи въ кругъ болѣе широкій, — въ кругъ сослуживцевъ его и воспитанниковъ, чтобы на этомъ обширномъ полѣ изобразить его любвеобильныя отношенія къ тѣмъ и другимъ? Но вотъ здѣсь ты и другіе! Ихъ сѣтованія, ихъ стремленіе такъ или иначе выразить свою любовь къ почившему не говорить ли краснорѣчивѣ всякихъ словъ, что они видѣли его полную любовь къ себѣ—и цѣнили ее? Да, одни видѣли эту любовь въ его всегда радушномъ приѣмѣ ихъ, въ сердечномъ участіи въ ихъ горѣ и радостяхъ, въ полной готовности исполнить всякую просьбу, всякое желаніе, если они не выходили за пределы возможнаго для него. Другіе, т. е. воспитанники, видѣли эту любовь—въ его снисходительномъ отношеніи къ ихъ недостаткамъ—умственнымъ, научнымъ, [напримѣръ на экзаменахъ], въ его отечески милостивомъ судѣ объ ихъ недостаткахъ нравственныхъ, или проступкахъ, въ коихъ онъ всегда охотнѣе видѣлъ только погрѣшности людей, а еще не окрѣпшихъ умственно и нравственно, видѣли, наконецъ, въ его всегдашней оготовности помочь имъ въ ихъ матеріальныхъ нуждахъ, часто изъ своихъ средствъ, не смотра на свою почти всегдашнюю нужду. Впрочемъ, многие и многие изъ стоящихъ здѣсь знаютъ все это лучше меня. Оканчивая слово, не могу не передать вамъ, братія и отцы, послѣдней просьбы почившаго. Приступая къ послѣднему исповѣданію грѣховъ своихъ предъ Господомъ, онъ произнесъ, обращаясь къ присутствовавшимъ и отсутствовавшимъ: «простите меня, отцы и братія и сестры! Простите во всемъ, въ чемъ согрѣшилъ я передъ вами словомъ, дѣломъ, помышле-

---

(*) Студентомъ академіи — онъ, какъ цѣльмоводитель, получалъ 60 р. въ годъ жалованья, и не тратилъ изъ этихъ денегъ на свои нужды — почти ничего, даже не пилъ чаю, чтобы нѣтъ возможности помогать семьѣ. Кроме того онъ брался переписывать статьи, назначаемыя для напечатанія въ «Твореніяхъ Святыхъ Отцевъ», и нередко просиживалъ за этимъ дѣломъ, по окончаніи своей студенческой работы, почти цѣлыя вѣчи. Получаемое за этотъ трудъ вознагражденіе также передавалось семьѣ.

нѣмъ! Простите меня—всѣ—всѣ! О сослужитель—нашъ,—и другъ, и братъ! Отъ лица всѣхъ, здѣсь стоящихъ, отвѣчаю тебѣ: отъ всего сердца, какъ предъ Господомъ, прощаемъ тебѣ все, вынемъ только могъ ты погрѣшить предъ нами волею и не волею! Но просимъ и тебя: прости любвеобильно и наши предъ тобою согрѣшенія! Навѣрное, мы болѣе виновны предъ тобою! не дѣломъ если кто—нибудь, то словомъ осужденія, иной, быть можетъ, чувствомъ непріязненнымъ, кто мыслію—для тебя оскорбительною,—но такъ или иначе всѣ мы согрѣшили предъ тобою.

За тѣмъ,—почившій—собрать, обращаю къ тебѣ твое-же послѣднее—твоей супругѣ—слово: «теперь прости навсегда!» Прости, прости,—нашъ другъ и братъ! И да дастъ Господь—покой душѣ твоей—въ селеніяхъ праведныхъ, и миръ праху твоему—въ нѣдрахъ матери—земли. Аминь.»

Каедральный протоіерей Григорій Первухинъ.

Священническій чинъ погребенія, исполненный высокихъ созерцаній, чашній и умиленныхъ молитвъ, совершался при многочисленномъ сослуженіи со Владыкою Тверскаго духовенства не слѣшно и съ достоюльнымъ порядкомъ. Многочисленная масса молдшихся съ глубокимъ умиленіемъ внимала чтенію и пѣнію и въ глубинѣ сердца возносила теплыя молитвы. Послѣ трогательнаго стиха: «со святыми упокой,» одинъ изъ воспитанниковъ семинаріи произнесъ у гроба бывшаго своего отца и наставника искренно и глубоко-про-чувствованную рѣчь и возбудилъ ею во многихъ слезы умиленія. Обращаясь къ усопшему онъ говорилъ такъ:

Дорогой нашъ отецъ!

Вотъ еще разъ намъ пришлось быть вокругъ тебя! Но увы! не для того, чтобы слушать твои отеческія наставленія, какъ это бывало прежде, но для того, чтобы предъ бездыханнымъ твоимъ тѣломъ излить тѣ искреннія чувства, которыми полна душа каждаго изъ насъ, и, наконецъ, въ послѣдній разъ проститься съ тобою и проститься навѣчно, проститься такъ, какъ прощаются дѣти съ умершимъ отцомъ. Тяжело и прискорбно бываетъ прощаться сыну съ умершимъ отцомъ, который любилъ его и заботился о немъ, не менѣе тяжело и прискорбно и намъ

проститься съ тобою, — ты былъ для насъ тѣмъ, чѣмъ бываетъ отецъ для сына, и заботился также, какъ заботится добрый отецъ о своемъ сынѣ. Всякій изъ насъ, кто вспоминалъ о тебѣ въ этотъ послѣдній годъ, то вспоминалъ не иначе, какъ объ отцѣ, дышащемъ неподдельною, свѣтлою и чистою, христіанскою, отеческою любовію, которую ты положилъ въ основу всей своей трудной дѣятельности, и ради которой ты жертвовалъ всѣмъ, чѣмъ только могъ, не исключая и своего здоровья. Некоторымъ изъ насъ приходилось видѣть на себѣ эту отеческую любовь твою съ самаго перваго дня поступленія въ семинарію. Нуждался ли какой бѣднякъ въ матеріальныхъ средствахъ, безъ которыхъ онъ долженъ бы оставить семинарію, ты, насколько нужно было и насколько могъ, всегда помогалъ ему; нуждался ли кто въ нравственной помощи, столь необходимой для всякаго юноши, ты всегда готовъ былъ и въ этомъ помочь ему, — давалъ приличныя наставленія, которыя всегда соразтворены были тою-же отеческою любовію. Неудивительно, что столь многіе предъ тобой, какъ предъ роднымъ отцомъ, чистосердечно, съ дѣтскою простотою, расканвались въ своихъ дурныхъ поступкахъ, общаясь исправиться, что по большей части и оправдывалось на дѣлѣ. Нужно ли перечислять все то, что ты сдѣлалъ для насъ добраго? Всего мы не можемъ и упомянуть! Да и къ чему это, когда всѣ мы знали и знаемъ тебя какъ добраго отца? Какъ начальникъ и руководитель юношей ты зналъ, какъ нельзя лучше, что такое юноша, умѣлъ съ опытною мудростію направлять его сердце ко всему доброму и прекрасному, необходимому для будущаго пастыря, чтобы поставить его предъ Богомъ дѣлателемъ непостыднымъ, право правящимъ слово истины [2 Тим. 2, 15]. Этой благой цѣли ты старался достигнуть не только устными наставленіями насъ въ вѣрѣ, истинѣ и добродѣтели, но и живымъ примѣромъ, который ты представлялъ въ самомъ себѣ. Разъ избравши себѣ путь — служенія церкви и воспитанія духовнаго юношества, ты неуклонно шелъ по этому тернистому пути, не оборачиваясь назадъ и заботясь не о благахъ міра сего, который, по словамъ Апостола, *всѣ во злѣ лежитъ* [1 Іоан. 5, 19], а о благахъ и наградахъ небесныхъ, неуклонно слѣдуя словамъ Спасителя: *никтоже возложъ руку свою на рало, и зря всяты, управленъ естъ въ царствѣ Божіи* [Луки 9, 62]. При воспоминаніи о тебѣ, намъ представляется образъ ревностнаго пастыря Христовой церкви, истиннаго

христіанина и любящаго отца. Таковъ твой образъ, напечатлѣнный въ сердцахъ нашихъ! Прости намъ, нашъ отецъ, что мы осмѣливаемся оцѣнивать твою дѣятельность въ дѣлѣ нашего воспитанія и образованія, вопреки твоему наставленію—ученику не слѣдуетъ цѣнить другихъ, а тѣмъ болѣе вышшихъ себя, пока онъ ученикъ, т. е. человѣкъ еще только умственно развивающійся; но все, что сказано нами о тебѣ, сказано не столько по убѣжденію разума, сколько отъ избытка сердца: *отъ избытка бо сердца уста излаголютъ* [Мат. 12, 34].

Мы жалѣемъ о томъ, что всѣмъ намъ, здѣсь присутствующимъ, довелось знать тебя только какъ начальника, а не пришлось знать какъ наставника, — не пришлось слушать твои уроки о христіанской вѣрѣ и нравственности. Но судя по послѣднему твоему слову, которое мы слышали, когда ты оставлялъ стѣны нашей семинарии и насъ, мы можемъ заключить, что уроки твои были уроками мудраго учителя, который излагаетъ ихъ съ твердою увѣренностію и полнымъ убѣжденіемъ въ истинности того, чему научаетъ другихъ. — Съ какимъ вниманіемъ и съ какою любовію мы слушали это послѣднее слово твое, и какъ оно было близко къ сердцу нашему, какъ будто оно было собственнымъ нашимъ словомъ, только невысказаннымъ! Увы! это было послѣднее слово твое къ намъ, мы отъ тебя ни чего больше не слышали и не услышимъ, ты насъ оставляешь, и чрезъ нѣсколько минутъ и бездыханное тѣло твое скроется отъ насъ.

Незабвенный нашъ начальникъ, дорогой нашъ отецъ и наставникъ! Прости насъ, если мы когда-нибудь были невнимательны къ твоимъ отеческимъ урокамъ и наставленіямъ; прости насъ если твои заботы о насъ, по нашей лѣности и безпечности, не всегда увѣнчивались успѣхомъ; прости насъ если мы за твою горячую любовь къ намъ не всегда отзывали тебѣ такую же любовію! Но мы любили тебя, мы будемъ любить тебя и теперь, когда ты отошелъ отъ насъ въ вѣчность; да и можемъ ли мы перестать любить тебя и забыть о тебѣ, когда съ каждымъ воспоминаніемъ о тебѣ невольно представляются самыя счастливыя и дорогія минуты нашей юношеской жизни, которыми мы обязаны тебѣ! Любовь наша къ тебѣ будетъ выражаться въ тѣлоу, пла-

менной нашей молитвѣ къ Вседержителю о твоей душѣ, дабы Онъ упокоилъ ее въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ мѣстѣ злчнѣ, идѣже вси святїи упокоются; ты же, отецъ нашъ, моли Вседержителя, когда будешь предстоять Престолу Его, дабы Онъ далъ намъ силы произрастить плоды достойныя посѣянныхъ тобою въ насъ семянъ, яже къ животу и благочестїю!

Ученикъ VI класса Иванъ Соколовъ.

Въ концѣ самаго отпѣванїа однимъ изъ наставниковъ семинаріи произнесена была слѣдующая рѣчь:

Дорогой нашъ отецъ и начальникъ!

Все, что заповѣдано намъ св. церковію совершить надъ твоими бренными останками, уже совершено.... Мы отдали тебѣ и послѣднее цѣлованіе.... Еще моментъ,— и эта персть возвратится въ землю, *якоже бы* [Екл. 12, 7]. Остается на могилѣ сказать тебѣ послѣднее «прости» и бросить горсть земли въ твою могилу. Но разбитое горестью сердце наше недовольствуется этимъ: мы дерзаемъ на прощанїи съ тобою излить предъ тобою свою послѣднюю просьбу подобно тому, какъ бываетъ въ земной жизни съ близкими людьми, разошедшимся на долгое время другъ съ другомъ. Ты спросишь: въ чемъ? О томъ, чтобы ты, если Господь дастъ тебѣ предстать предъ Престоломъ Всевышняго, молилъ Его Милосердаго даровать намъ тѣ высокія душевныя качества, какія ты имѣлъ, живя на землѣ.

О, если бы ты умолилъ Господа силъ ниспослать въ сердца нашу ту глубокую и твердую, какъ камень, вѣру въ Него и Его благой Промыслъ и ту любовь къ Нему, какаѧ у тебя горѣла въ сердцѣ и которая, какъ свѣща, поставленная на свѣщницѣ, блистала яркимъ свѣтомъ, возгрѣвая ту же вѣру въ сердцахъ людей, тебя окружающихъ! Намъ, стоящимъ въ здѣшней жизни на поприщѣ духовнаго просвѣщенїя этотъ даръ, ниспосылаемый благодатїю Святаго Духа, особенно нуженъ теперь, когда на распутьяхъ жизни встрѣчаешь холодность къ вѣрѣ.

О, если бы молилъ ты Господа ниспослать въ сердца наши и ту высокую любовь къ ближнему, какою ты имѣлъ въ своемъ сердцѣ

умѣвшемъ не только любить друга, но и врага, и которая заставляла благоговѣть каждаго изъ насъ, видѣвшаго проявленія этой любви въ тебѣ. Если кому, то намъ воспитателямъ юношества, даръ этотъ особенно нуженъ. Не напрасно ты, стоя руководителемъ въ нашемъ учебномъ заведеніи, постоянно напоминалъ намъ заповѣдь Великаго Учителя нашего Господа Иисуса Христа: *возлюбиши ближняго твоего яко самъ себе* [Мѣ. 22, 37—39].

О, если бы ты умѣшилъ Милосердаго Бога — раздаятеля даровъ — ниспослать намъ эту непоколебимую, стойкую въ трудъ и отъ доходящую до забвенія собственныхъ выгодъ, беззапятную преданность дѣлу, на которое каждый изъ насъ поставляется въ здѣшней жизни, ту широкую вагляда на каждое дѣло, какими ты обладалъ; наконецъ тотъ прямой, честный и мужественный характеръ, который даровалъ тебѣ Господь. О! тогда бы каждый изъ насъ умѣлъ дерзновение, какъ ты теперь, сказать словами Апостола: *теченіе скопчалъ въ ру, соблюдаю*.

Наставникъ Николай Виноградовъ.

Зачѣмъ ты усопшаго, преданное землѣ и политое св. елеемъ Владыкою, отнесено было на рукахъ священниковъ къ могилѣ. Зачѣмъ предъ опусканиемъ въ могилу еще разъ произнесена была рѣчь тоже однимъ изъ наставниковъ семинаріи:

Дорогой наставникъ, добрый начальникъ!

Зачѣмъ ты такъ рано и неожиданно покинулъ насъ? Куда ты спѣшишь? Развѣ ты не видишь цѣлота сонма своихъ учениковъ и товарищей, тѣсной толпой собравшихся у этой отъарзетой могилы, готовой скрыть тебя отъ нашихъ глазъ? Развѣ ты не слышишь сожалѣній твоихъ учениковъ, только по любви къ тебѣ собравшихся въ послѣдній разъ почтить своего бывшаго наставника? Развѣ ты не видишь горькихъ слезъ твоей семьи и близкихъ? Развѣ ты не слышишь стога твоихъ дѣтей, почти безсознательно лепечущихъ: папа! папа! Неужели въ твоемъ добромъ и любящемъ сердцѣ не осталась уже капля любви, чтобы утѣшить всѣхъ насъ? Неужели твой широкий и блестящій умъ не найдетъ ничего, чтобы хоть сколько нибудь облегчить нашу горькую отъ такой тяжелой утраты?

Ни слова не отвечаешь ты! Никогда больше не услышим мы твоей умной, назидательной, любвеобильной и блещущей остроумием беседы! Крепко сомкнуты твои уста — и никогда не раскроются; мертвенным покоем подернулись твои очи — и никогда больше не поглядят на нас любящим взглядом! Ты уже совсем счаридился в свое последнее нутро! Ты уже стоишь около своего последнего жилища! Холодная земля скоро совсем скроет тебя от нас, и уже никогда, никогда не увидим мы даже и безжизненного твоего зрака! Грустно и тяжело! Грустно и тяжело, не смотря ни на какие утешения! Невозможно, Оно смотри ни на что, отрешиться от чувства горького сожаления и тяжкой скорби о такой тяжелой для нас утрате! Правда, мы втримь, твердо втримь, что не навсегда расстаемся съ тобой! Правда, мы во все ясно сознаемъ, что пройдет немного времени, все мы, одинъ по одному, придемъ къ могилѣ, куда ты уходишь отъ насъ теперь. Ах! Неужели тебѣ, нѣсколько уже отрешившемуся отъ необходимыхъ условий земныхъ представлений, все это представляется уже теперь вполне необходимымъ и естественнымъ? Неужели ты уже не болишь душой и не скорбишь духомъ, покидая всехъ насъ, такъ мало подготовленныхъ къ твоей смерти? Неужели ты спокойно созерцаешь скорбь твоихъ близкихъ и неутѣшныя слезы твоей семьи? Неужели ты, хотѣлъ бы уже сказать намъ: «къ чему эти слезы, скорбь и рыданія! Не много — и все будете со мною». Наше человеческое чувство, наша душа съ трудомъ и скорбію примиряется съ умѣстностію и благовременностію этой могилы, приготовленной для тебя! Жаль, глубоко жаль намъ растаться съ тобою, дорогой нашъ наставникъ и начальникъ, растаться на всегда, хотя бы то и въ дальней жизни только! Правда, немало сдѣлалъ ты въ зашней жизни много и честно потрудился ты! Ты былъ вѣрнымъ рабомъ Божиимъ, вѣрно исполнявшимъ заветы Господа своего! Я видѣлъ тебя на многихъ стезяхъ твоей жизни, видѣлъ тебя какъ наставника и начальника товарища своего; видѣлъ тебя въ отношеніяхъ къ семьѣ, роднымъ и ученикамъ. Вездѣ и всегда ты былъ примѣрнымъ дѣятелемъ и примѣрнымъ человекомъ! Вездѣ и всегда руководился ты побужденіями своего добраго сердца и искренняго чувства! Вездѣ и всегда тебя сопровождала любовь и искренняя привязанность къ тебѣ всехъ искреннихъ и честныхъ сослуживцевъ! Вездѣ и всегда сопровождала тебя самая искренняя и неподкупная любовь учениковъ! Достаточно взглянуть на громадную толпу твоихъ бывшихъ учениковъ, доживав-

шихся только позволения въ последний разъ повидаться съ тобой, чтобы убедиться въ этомъ. Неужели ты думаешь, что ты все сдѣлалъ для насъ и сталъ бесполезенъ намъ? Кто утѣшитъ и ободритъ насъ словомъ надежды на будущее лучшее во многихъ разочарованіяхъ нашей жизни? Кто подкрѣпитъ въ насъ любовь къ своимъ ученикамъ и снисхожденіе къ погрѣшающимъ изъ нихъ? На кого ты оставляешь жену? На кого ты покинулъ свою многочисленную семью, изъ которой многіе еще не умѣютъ отличить правой стороны отъ лѣвой, изъ которой многіе еще не въ состояніи понять всю важность своей тяжелой утраты? Кто замѣнитъ имъ отца, намъ лучшаго друга и совѣтника? Кто замѣнитъ имъ и намъ твое полное любви сердце?

Знаемъ, немногимъ наградила тебя жизнь за твою полезную и честную дѣятельность. Честно и самоотверженно прослужить 30-ть лѣтъ на пользу церкви и общества и умереть почти безъ копѣйки въ домѣ, оставивъ многочисленную и неприспособленную семью почти безъ всякихъ средствъ — невеликая награда! Да, тяжелая година выпала тебѣ передъ смертью, — оторванный отъ любимой дѣятельности, отгорюченный отъ любимыхъ тобою и любившихъ тебя учениковъ и сотоварищей, для пользы которыхъ ты такъ много и плодотворно трудился, въ чемъ былъ весь интересъ твоей жизни, всѣ твои симпатіи и склонности, съ разстроеннымъ здоровьемъ и ослабѣвшими силами, — ты давно уже какъ бы истаявалъ на нашихъ глазахъ. Тяжело было тебѣ! Не разъ, вѣроятно, ты разочаровывался въ правдѣ людской! Ты не упалъ духомъ, ты борился силою вѣры въ неисповѣдимыя пути Провидѣнія, но твои тѣлесныя силы были уже надорваны твоей прежней многотрудной дѣятельностью и тяжелой заботой о будущемъ твоихъ близкихъ. Не легко было тебѣ покидать любимую семью, для которой много бы еще нужно было твоихъ попеченій! Но съ твердымъ упованіемъ на Промыслъ Божій вышелъ ты изъ этой борьбы съ своими привязанностями! Съ твердой вѣрой въ Бога и Его безконечную любовь вышелъ ты изъ самой страшной для человѣка борьбы жизни и смерти! Это только развѣ и можетъ насколько утѣшить насъ въ тяжелой утратѣ тебя, нашего дорогого наставника и добраго начальника. Иди же съ миромъ въ твое послѣднее убѣжище на землѣ! Иди съ миромъ ко Господу, которому ты служилъ — мы вѣримъ, что ты найдешь у Него упокоеніе отъ всѣхъ бѣдъ и невзгодъ, перенесенныхъ тобою въ жизни. Ты самъ училъ

насъ всегда съ довѣріемъ относиться къ неисповѣдимымъ путямъ Провидѣнія! Память о тебѣ, о твоёмъ любящемъ сердцѣ навсегда останется въ нашихъ сердцахъ; твоя честная, неутомимая и безкорыстная жизнь будетъ для насъ по мѣрѣ силъ и способностей всегдашнимъ и поучительнымъ примѣромъ дѣятельности. Не живя съ нами, ты будешь жить въ нашей памяти и нашихъ сердцахъ!

Преподаватель Владиміръ Колосовъ.

Это живое сочувствіе большей части наставниковъ и воспитанниковъ семинарии къ усопшему о. протоіерею ясно показывало, какъ высоко цѣнили и какъ глубоко уважали они его. Предъ самымъ опущеніемъ гроба въ могилу, когда уже крышка закрыла усопшаго, одинъ изъ протоіеревъ г. Твери, припоминая, съ какимъ умиленіемъ усопшій всякій разъ по причащеніи св. таинъ на литургіи произносилъ трогательныя слова пасхальной пѣсни: о пасха велія и священнѣйшая, Христе, о мудрость и сложе Божій и сила! Подавай намъ истѣе тебе прчащатися въ невечернѣмъ дни царствія Тв его, произнесъ слѣдующія не многія слова: много мы слышали у этого гроба словъ и рѣчей, выражающихъ глубокое сочувствіе и уваженіе къ усопшему о. протоіерею, много видѣли слезъ и слышали стоновъ, исторгавшихся изъ сердець и очей его осиротѣвшей семьи и любившихъ друзей; сердце наше истерзалось скорбью; но время умѣрить сердечную скорбь христіанскимъ упованіемъ. Въ нынѣшній день Воскресенія Христова (†) я осмѣлюсь произнести у этой разверстой могилы одну изъ пасхальныхъ пѣсней, столь отраднхъ и для сердца усопшаго, и для всѣхъ христіанъ: Христось воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животь даровавъ. Прикоснемся въ послѣдній разъ устами нашими къ этому гробу со словами: Христось воскресе-усопшій собратъ нашъ!, дабы услышать и намъ, когда перейдемъ въ вѣчность, радостный отвѣтъ его: воистину воскресе; и съ чувствомъ тихой христіанской скорби предадимъ честное тѣло его землѣ. Протоіерей прикоснулся устами ко кресту, изображенному на крышкѣ гроба, и за нимъ многіе сдѣлали тоже самое и предали тѣло могилѣ.

Желательно, чтобы на могилѣ усопшаго о. протоіерея поставленъ былъ хотя самый скромный памятникъ на пожертвованіе тѣхъ священ-

(*) Въ 20-е декабря, когда совершалось погребеніе, былъ воскресный день.

никовъ Тверской епархіи, которые получили образованіе при еѣо на-
ставничествѣ и ректорствѣ въ Тверской семинаріи; еще лучше было бы
сдѣлано, если бы учреждена была при Тверской семинаріи стипендія
во имя почившаго, или посильная помощь семейству.

Въ редакціи получены: а) сочувственное письмо изъ Нѣжинскаго
института отъ студентовъ Тверяковъ съ просьбою выслать тѣ номера
Тверскихъ епархіальныхъ вѣдомостей, въ которыхъ будетъ помѣщено
о смерти, погребеніи и вообще все относящееся къ памяти покойнаго
Александра Васильевича [редакція исполняетъ это желаніе студентовъ
съ полною готовностію] и б) письмо о. благочиннаго б округа Стариц-
каго уѣзда, священника села Емельнова Іоанна Невскаго, слѣдующаго
содержанія:

Ваше высокопреподобіе, отецъ протоіерей!

Вѣсть о кончинѣ досточимаго о. протоіерея Александра Васильевича
Соколова возбудила сочувствіе въ бывшихъ его воспитанникахъ къ
жалкому положенію его семейства. Исполненный благодарности къ сво-
ему учителю, священникъ села Гнилиць Тверскаго уѣзда Василій Ми-
хайловскій, въ бытность свою на освященіи иконостаса въ селѣ Холмцѣ,
Старицкаго уѣзда, предложилъ своимъ сослуживцамъ помочь семейству
достоуважаемаго протоіерея. На этотъ призывъ откликнулись бывшіе
здѣсь священники: села Емельянова Іоаннъ Невскій, села Ильинскаго
Михаилъ Соколовъ, села Холмца Сергій Мигаловскій и тотчасъ же
было собрано 11 рублей. Препровождая означенныя деньги къ вашему
высокопреподобію, покорнѣйше прошу васъ вручить ихъ семейству
покойнаго.

Деньги отданы редакцію супругъ усопшаго о. протоіерея Александра
Васильевича, Ольгѣ Ивановнѣ, а равно заявлено ей и сочувственное
письмо Нѣжинскихъ студентовъ Тверяковъ.—Тронутая сочувствіемъ къ
усопшему своему супругу достопочтенная Ольга Ивановна просила съ
своей стороны редакцію выразить ея глубокую благодарность всѣмъ
лицамъ, сохраняющимъ добрую память объ усопшемъ супругѣ ея. Мы
слышали изъ достовѣрныхъ источниковъ, что и самъ Владыка нашъ,
тронутый безпомощнымъ положеніемъ семейства, вручилъ вдовѣ посиль-
ную свою жертву, а равно и нѣкоторыя другія лица сдѣлали тоже.

Редакция съ своей стороны изъявляет готовность принимать и по принадлежности передавать все приношения въ память достопочтеннаго протоиерея Александра Васильевича.

Историческая записка о состояніи Тверской Духовной Семинаріи.

(Продолженіе)

Въ 1849 г. ректоръ Николай пишетъ: «я замѣчаю, что у нѣкоторыхъ учениковъ волосы были расчесаны съ разборомъ къ уху». Другой разъ при доносѣ дежурнаго старшаго о томъ, что ученики послѣ вечерней молитвы занимались бездѣльемъ, тотъ же ректоръ пишетъ: «чтобы послѣ молитвы бездѣлья не было, а было бы благоговѣнное приготовленіе ко сну, который есть образъ смерти». Тамъ же мы читаемъ слѣдующія его замѣчанія: «ученики въ классѣ сидятъ невежливо: въ перчаткахъ, въ рукавицахъ, нараспашку, избоченясь и облокотясь одинъ на другаго, — невнимательны къ дѣлу классическому (*) «Въ кухнѣ замѣтно много гризи: два глаза у мисара, два глаза у дежурнаго, два глаза у эконома — сколько глазъ и не видимъ». Или вотъ еще внушеніе того же трудолюбиваго и дѣятельнаго ректора: «двѣлюсь, отчего переплетъ этого журнала разбитъ. — Ужель и имъ дрались семинаристы отъ нечего дѣлать? хочу знать это». «Семинаристы — чуваши». «Зачѣмъ ученики бьютъ булки предъ классомъ, когда надо быть съ тощимъ желудкомъ, а книгъ не покупаютъ?». Въ старое время внушенія были еще оригинальнѣе. Такъ въ 1833 г. ученикъ Андрей Любскій былъ замѣченъ

(*) А вотъ внушеніе ученикамъ о чистотѣ. Дежурный пишетъ въ журналъ: «на молитвахъ и въ столовой были вѣшь», ректоръ же на поляхъ приписываетъ: «а есть-ли клопы на койкахъ?». На слѣдующей страницѣ дежурный о вѣщаегъ: «такъ какъ гнѣзда клоповъ не все разрушены, то и клопы не совершенно истреблены, хотя ученики не перестаютъ дѣйствовать противъ нихъ каждое утро». Ректоръ опять пишетъ: «чтобы не было клоповъ, раззорить клоповыя гнѣзда».

въ щегольствѣ. Въмѣсто всякихъ внушеній, ему было приказано, по отобрани отъ него платья, сидѣть въ карцерѣ до тѣхъ поръ, пока не выучитъ статью св. Кипріана о приличіи въ одеждѣ... Другой оригинальный способъ внушенія. Ученику Павлу Разумихину, который не сталъ на колѣна по приказанію инспектора, отговариваясь болѣзнию колѣвъ, приказано было сѣсть въ замѣнь этого на полъ. Около того же времени инспекторъ іером. Палладій употреблялъ болѣе матеріальныя, если можно такъ выразиться, внушенія. Чтобы утвердить воспитанниковъ въ совершенномъ и безпрекословномъ повиновеніи, онъ иногда приказывалъ имъ чрезъ старшаго стоять на колѣнахъ, не объявляя за-что. Кто «безъ малѣйшаго прекословія, съ чувствомъ совершенной покорливости» исполнялъ это приказаніе, тотъ отмѣчался какъ человекъ «характера весьма кроткаго и тихаго, благопокорливаго и благоправнаго». При этомъ, наказаніе ему отмѣнялось, и ему было объявляемо, что наказаніе было назначено ему не за проступокъ, а для испытанія его покорности начальству. Инспекторъ Аманскій, по нѣкоторымъ показаніямъ, любилъ дѣйствовать, такъ сказать, по военному. Въ показаніи ученика Колерова отъ 1845 г., данномъ въ семинарскомъ правленіи, говорится, что г. инспекторъ Аманскій «въ сужденіи учениковъ слѣдуетъ болѣе голосу своего гнѣва, чѣмъ голосу разсудка, — вершить дѣла болѣе громкимъ голосомъ и крикомъ, чѣмъ тихими, отеческими внушеніями». Нужно сознаться, что такія мѣры внушенія и вразумленія не могли вести къ добру, и Св. Синоду приходилось много заботиться о поднятіи нравственности въ Тверской семинаріи... Относительно поощреній семинарское начальство мало думало и никакихъ премій за благонавіе и доброе поведеніе не давало. Если что и практиковалось въ этомъ случаѣ, такъ это внесеніе благонавіыхъ учениковъ въ книгу о поведеніи и назначеніе ихъ старшими, иногда съ выраженіемъ публичной похвалы отъ правленія. Болѣе всего озабочено было семинарское начальство для пресѣченія проступковъ изысканіемъ соответственныхъ имъ наказаній. Наказанія въ системѣ воспитанія юношества занимаютъ

весьма важное мѣсто, и правильное или неправильное употребленіе ихъ часто бываетъ причиною успѣха или неуспѣха воспитательной дѣятельности. Въ особенности эта мысль находитъ себѣ подтвержденіе въ исторіи Тверской семинаріи. Прослѣдимъ теперь для доказательства высказанной мысли за проступками, наиболѣе часто встрѣчавшимися среди воспитанниковъ, и за наказаніями, которыя назначались виновнымъ. Самымъ важнымъ и очень распространеннымъ проступкомъ было употребленіе спиртныхъ напитковъ. Ревизовавшій въ 1855 г. Тверскую семинарію архимандритъ Іоаннъ (впоследствии епископъ Смоленскій) удивляется развитію порока нетрезвости въ Тверскихъ семинаристахъ и сообщаетъ по этому поводу два видѣныя имъ случая. «Во время экзаменовъ, однажды возвращаясь изъ семинаріи въ два часа дня, я видѣлъ ученика до безчувствія пьянаго и въ такомъ состояніи валяшагося на улицѣ; другой ученикъ старался поднять его и поставить на ноги, но никакъ не могъ; прохожіе останавливались и смотрѣли на это, для нихъ смѣшное, а для насъ горькое зрѣлище. Другое зрѣлище было еще великолѣпнѣе. Въ самый день отпуска семинаристовъ на каникулы, я былъ также очевиднымъ свидѣтелемъ, какъ они, отправляясь на родину, во множествѣ наполняли лодки на р. Волгѣ, протекающей чрезъ Тверь, и плыли съ пѣснями, крикомъ, даже ружейною стрѣльбою; потомъ, за видѣвъ на дорогѣ цѣлые дома, причаливали къ берегу и съ новыми залпами изъ ружей толпами вбѣгали въ каждый изъ этихъ домовъ—и все это происходило еще въ чертѣ города, среди дня, въ глазахъ у всѣхъ, бывшихъ на берегу, постороннихъ людей—крестьяне на вопросы мои объ этомъ случаѣ отвѣчали, что *и всегда такъ бываетъ*. Я самъ былъ въ это время на набережной, и до такой степени ученики были смѣлы, что и видя меня дѣлали свое дѣло». Наказанія, назначавшіяся за нетрезвость, были не всегда одинаковы по своей строгости и часто трудно указать причину того, почему именно въ одномъ случаѣ наказаніе было строже, въ другомъ слабѣе. За нетрезвость, неоднократно замѣченную и «въ духовномъ вос-

питанникѣ нетерпимую» въ 1828 г. наказывали только двухдневнымъ карцернымъ заключеніемъ, а въ 1844 г. уже семидневнымъ. При этомъ виновные обязывались подпискою никогда болѣе не употреб-
лять спиртныхъ напитковъ. Нѣкоторыя росписки сохранились и до сихъ поръ. Такъ одна гласитъ: «Даю сію подписку въ томъ, что я впредь не буду вовсе употреблять хмѣльныхъ напитковъ, въ чемъ собственноручно подписуюсь». Замѣченнаго впервые хмѣльнымъ штрафовали болѣею частію однодневнымъ заключеніемъ, иногда (въ 20-хъ годахъ) низведеніемъ въ 3-й разрядъ изъ 2-го; если во хмѣлю буйствовалъ, то его заносили въ книгу о поведеніи; иногда въ 40-хъ годахъ виновныхъ въ нетрезвости сажали за голодный столъ на недѣлю. Болѣе строго каралось пьянство тогда, когда оно было замѣчаемо полиціей, какъ это можно видѣть напр. на одномъ случаѣ изъ 1827 года. Въ семинарское правленіе пришла изъ Тверской городской полиціи слѣдующая бумага: «Сего мая съ 23-го на 24-е число взяты здѣсь въ городѣ близъ тверскаго питейнаго дома въ безчувственномъ видѣ семинаріи оной, показывающіе себя учениками, которые за таковыя поступки присемь и посылаются». Семинарское правленіе по этому поводу рассудило такъ: «пьянство есть порокъ нетерпимый ни въ какомъ званіи, а кольми паче въ питомцахъ духовнаго заведенія, приготавливаемыхъ на служеніе св. церкви, то учениковъ N Л., обличенныхъ и обезславившихъ семинарію, въ особенноти богословскій классъ, исключить въ концѣ года». Замѣчательно, что таже мысль: можно, безъ особенно дурныхъ послѣдствій, совершать проступокъ, лишь бы не публично, не въ виду общества—проходить, какъ увидимъ, и въ другихъ сужденіяхъ семинарскаго начальства. Въ томъ же году ученикъ, который былъ замѣченъ нетрезвымъ, и кромѣ того разъ даже въ трезвомъ видѣ завелъ драку съ мѣщанами, въ коей и пострадалъ, былъ присужденъ къ наказанію розгами въ семинарскомъ правленіи, съ объявленіемъ, что если на него не подѣйствуетъ и эта послѣдняя исправительная мѣра, то начальство должно будетъ исключить его. Но, годъ спустя, другой

ученикъ, который въ почное время и всю пьяномъ видѣ предъ домоюъ
вице-губернатора кричалъ и бранился, за что я былъ вынужденъ при
сильномъ сопротивленіи съ его стороны, дозорными отблудая за
это похождение только семидневнымъ карцеромъ, хотя конечно, этотъ
поступокъ быстро огласился. Точно также и въ 1831 г. встрѣчается
такое опредѣленіе о пьяномъ и буйномъ ученикѣ: «шляцтво и
буйство суть такіе пороки, за которые подлежатъ исключать учо-
ника NN, но такъ какъ это сдѣлано имъ впервые, то ему назначается
3 дня карцернаго заключенія». Въ 50-хъ годахъ (1856 и 57 гг.)
казеннокштный ученикъ за употребленіе хмѣльныхъ напитковъ уже
не терпится въ семиварскомъ корпусѣ, а изгоняется на квартирную
назначеніемъ двукотораго казеннаго пособія. Посѣщеніе трактира — омаже
съ простою цѣлю поить чаю — каралось голоднымъ столомъ въ тех-
ниці недѣли.

Какъ видно изъ сказаннаго, семиварская педагогія, при рассмат-
риваемый періодъ, невыработала одной, точно опредѣленной мѣры на-
казанія за употребленіе спиртныхъ напитковъ и часто оцѣнивала по-
сѣдній поступокъ не по его сущности, а по внѣшней обстановкѣ.
Естественно предположить, что такой неровный образъ дѣйствія ос-
тавлялъ въ воспитанникахъ еще надежду на опасеніе и необыкновенно
когда пьянство не было замѣчено людьми посторонними. Что на-
сается послѣдняго педагогическаго приѣма — изгонять изъ корпуса за-
мѣченныхъ въ нетрезвости учениковъ, то, сопоставляя его съ заявле-
ніями начальства о невозможности для него часто посѣщать учени-
ческія квартиры, нельзя не признавать, что этотъ приѣмъ имѣетъ ме-
нѣе основаній, за чѣмъ противъ себя, ибо несомнѣнно квартирная
жизнь представляла болѣе искушеній, прибѣгать къ чаркѣ, чѣмъ въ

Продолженіе будетъ.

При семь № прилагается 4-й листъ протокола Епархіала Свѣзда.

Редакторъ Протоіерей В. Владиславцевъ.

Довѣлено цензурою 45 января 1852 года.

Печатано въ Типографіи Тверскаго Губернскаго Правленія.